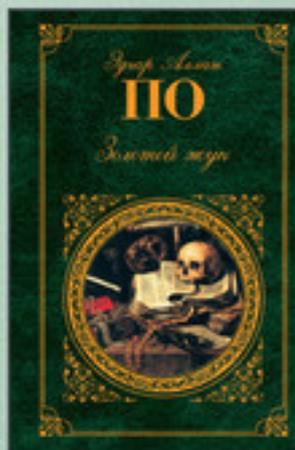

Эдгар Аллан По

Повесть крутых гор

Часть сборника
Золотой жук (сборник)

Эдгар Аллан По
Повесть крутых гор

«ЭКСМО»

1843

По Э.

Повесть крутых гор / Э. По — «Эксмо», 1843

ISBN 5-699-07815-0

«Осенью 1827 года, когда я некоторое время жил в штате Виргиния под Шарлотсвиллом, мне довелось познакомиться с мистером Огестесом Бедлоу. Это был молодой человек, замечательный во всех отношениях, и он пробудил во мне глубокий интерес и любопытство. Я обнаружил, что и телесный и духовный его облик равно для меня непостижимы. О его семье я не смог получить никаких достоверных сведений. Мне так и не удалось узнать, откуда он приехал. Даже его возраст – хотя я и назвал его «молодым человеком» – в немалой степени смущал меня...»

ISBN 5-699-07815-0

© По Э., 1843

© Эксмо, 1843

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Эдгар Аллан По Повесть Крутых гор

Осенью 1827 года, когда я некоторое время жил в штате Виргиния под Шарлотсвиллом, мне довелось познакомиться с мистером Огестесом Бедлоу. Это был молодой человек, замечательный во всех отношениях, и он пробудил во мне глубокий интерес и любопытство. Я обнаружил, что и телесный и духовный его облик равно для меня непостижимы. О его семье я не смог получить никаких достоверных сведений. Мне так и не удалось узнать, откуда он приехал. Даже его возраст – хотя я и назвал его «молодым человеком» – в немалой степени смущал меня. Бесспорно, он выглядел молодым и имел обыкновение ссылаться на свою молодость, и все же бывали минуты, когда мне начинало чудиться, что ему не менее ста лет. Однако более всего поражала в нем его внешность. Он был очень высок и тощ. Он всегда горбился. Его руки и ноги были необыкновенно худы, лоб – широк и низок. Лицо его покрывала восковая бледность. Рот был большим и подвижным, а зубы, хотя и совершенно крепкие, отличались удивительной неровностью, какой мне не доводилось видеть ни у кого другого. Однако его улыбка вовсе не была неприятной, как можно предположить, но она никогда не изменялась и свидетельствовала лишь о глубочайшей меланхолии, о постоянной неизбывной тоске. Его глаза были неестественно велики и круглы, как у кота. И зрачки их при усилении или уменьшении света суживались и расширялись так, как это наблюдается у всего кошачьего племени. В минуты волнения они начинали сверкать самым невероятным образом и как бы испускали яркие лучи – не отраженные, но зарождающиеся изнутри, как в светильнике или в солнце; впрочем, чаще всего они оставались пустыми, мутными и тусклыми, какими могут быть глаза давно погребенного трупа.

Эти особенности его наружности, по-видимому, были ему крайне тягостны, и он постоянно упоминал о них виноватым и оправдывающимся тоном, который вначале производил на меня самое гнетущее впечатление. Вскоре, однако, я привык к нему, и неприятное чувство рассеялось. Казалось, Бедлоу пытался, избегая прямых утверждений, дать мне понять, что он не всегда был таким и что постоянные невралгические припадки лишили его более чем незаурядной красоты и сделали таким, каким я его вижу теперь. В течение многих лет его лечил врач по фамилии Темплтон – человек весьма преклонного возраста, лет семидесяти, если не более, – к которому он впервые обратился в Саратоге¹ и получил (или лишь вообразил, будто получил) большое облегчение. В результате Бедлоу, человек очень богатый, предложил доктору Темплтону весьма значительное годовое содержание, и тот согласился посвятить все свое время и весь свой медицинский опыт ему одному.

В молодости доктор Темплтон много путешествовал и в Париже стал приверженцем многих доктрин Месмера². Те мучительные боли, которые постоянно испытывал его пациент, он облегчал исключительно с помощью магнетических средств, и вполне естественно, что Бедлоу проникся определенным доверием к идеям, эти средства породившим. Однако доктор, подобно всем энтузиастам, прилагал все усилия, чтобы окончательно убедить своего пациента в их истинности, участвовать в различных экспериментах. Постоянное повторение этих экспериментов привело к возникновению феномена, который в наши дни стал настолько обычным, что уже почти не привлекает внимания, но в эпоху, мною описываемую, был в Америке почти неизвестен. Я хочу сказать, что между доктором Темплтоном и Бедлоу установилась весьма четкая и сильно выраженная магнетическая связь, или rapport. Впрочем, я не скло-

¹ *Саратога-Спрингз* – популярный курорт в штате Нью-Йорк.

² *Месмер* Франц Антон (1733–1815) – австрийский врач, предложивший метод лечения болезней с помощью так называемого «животного магнетизма», посредством которого планеты действуют на тело. Его теории, очень популярные в Европе и Америке, впоследствии были дискредитированы, но в конце концов привели к развитию гипнотизма.

нен утверждать, что этот гипноз выходил за пределы простой власти вызывать сон, но зато эта власть достигла необыкновенной силы. При первой попытке вызвать магнетический сон месмерист потерпел полную неудачу. Пятая или шестая попытка частично достигла цели, причем ценой долгих и напряженных стараний. И только двенадцатая увенчалась полным успехом. Но вскоре после этого воля врача окончательно возобладала над волей пациента, и в те дни, когда я познакомился с ними обоими, первый мог вызвать у больного сон мысленным приказанием, даже когда тот не подозревал о его присутствии. Только теперь, в 1845 году, когда подобные чудеса совершаются ежедневно на глазах тысяч свидетелей, я осмеливаюсь занести на бумагу как неоспоримый факт то, что на первый взгляд представляется немислимым.

Натура Бедлоу была в высшей степени чувствительной, восприимчивой и восторженной. Он обладал чрезвычайно деятельным и творческим воображением, и, без сомнения, оно приобретало дополнительную силу благодаря морфину, который Бедлоу принимал постоянно и в огромных количествах и без которого он просто не мог существовать. Он имел привычку глотать большую дозу каждое утро сразу же после завтрака – а вернее, сразу же после чашки крепкого черного кофе, ибо в первую половину дня он ничего не ел, – и затем отправлялся в одиночестве или сопровождаемый только собакой на прогулку среди диких и унылых холмов, протянувшихся к западу и к югу от Шарлотсвилла и удостоенных от местных жителей почетного наименования «Крутые горы»³.

Как-то в конце ноября, в пасмурное, теплое и туманное утро, принадлежащее тому странному междуцарствию времен года, которое в Америке называют «индейским летом», мистер Бедлоу по своему обыкновению ушел в холмы. День уже кончался, а он все еще не возвращался.

Примерно в восемь часов вечера, серьезно обеспокоенные его столь длительным отсутствием, мы уже собрались отправиться на поиски, как вдруг он вернулся, – чувствовал он себя не хуже, чем обыкновенно, и был в состоянии возбуждения, для него редкого. То, что он поведал нам о своей прогулке и о событиях, его задержавших, было поистине необычайным.

– Как вы, несомненно, помните, – начал он, – я покинул Шарлотсвилл около девяти часов утра. Я сразу же направился к горам и в десять часов вступил в узкую долину, дотоле мне неизвестную. С большим интересом следовал я по ее извилинам. Ландшафт, открывавшийся моему взору, вряд ли можно назвать величественным, однако его отличала неопишуемая – а для меня восхитительная – унылая пустыньность. В безлюдии и дикости долины была какая-то девственная нетронутость, и я невольно подумал, что на этот зеленый дерн и серые камни до меня еще не ступала нога человека. Вход в эту долину настолько укрыт и настолько труднодоступен, что попасть туда можно лишь в результате стечения ряда случайностей, и я действительно мог быть первым, кто вторгся в нее, – первым и единственным смельчаком, проникшим в ее тайные пределы.

³ *Крутые горы* (горы Parred) – группа холмов в р-не Шарлотсвилла в штате Виргиния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.